

Алексей Лишний

ДОБРЫНЯ
и
МАРИНКА

Алексей Лишний

Добрыня и Маринка

<https://litres.ru/74535277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не подозревал Добрыня, что с пустякового задания запустится цепь событий, в которую будет вовлечён он, его друзья и даже сам князь.

Колдунья Маринка, повелительница тёмных подворотен, не привыкла к равнодушным взглядам молодцев, а Добрыня посмел отказаться от её любви... Она будет мстить.

Богатырю предстоит вести сложную шахматную партию против магии и предательства, где даже близкие друзья могут оказаться пешками в чужих руках. Игра будет проходить на тёмной стороне, где важна не только сила, но и разум. И ставки слишком высоки...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Лишний

Добрыня и Маринка

Пролог

Последние серые корки снега смиренно сошли, открывая сырую плоть полей. В низинах, в пожухлой ковыльной гриве, еще белеют сморщенные, но стойкие ледяные колоды. Воздух пропитан терпким духом прелой травы.

На самом краю поймы, у кромки речного разлива, девять туров привычно пришли на водопой. У них никогда не было хозяина, не было вожака. Они держались вместе, потому что так проще пережить голод и холод зимы. Так проще...

Чужаками чувствовали они себя везде, куда ни приходили. Каждый томился беспричинной тоской, силясь вырваться из шкуры, но толстая кожа не рвалась, а лишь покрывалась инеем в морозные дни.

Туры ели и пили, искали место для ночлега, а по ночам им снились непонятные сцены.

Там, в неведомом мире, нелепые существа на двух ногах говорили с ними, ласкали, бранили, порой даже били их, но они били в ответ. Звенела сталь, лилась кровь, подавали на стол пышущие паром горшки, строили избы.

Просыпаясь для нового дня, туры долго не могли вернуться из забытья. А потом так же долго понять: зачем идти куда-то?

Самый страшный вопрос.

К полудню, когда желание поестъ превозмогало лень, он исчезал.

Сегодня же повеяло лёгким берёзовым духом и пряной черёмухой. Туры напились вдоволь, подняли головы и почуяли наконец весну.

Она обязательно принесёт на крыльях перьевых облаков ответ на главный вопрос.

Глава 1

“Виночерпий! Это ж надо такое придумать!” – просыпаясь, вспомнил Добрыня, как в первый раз представился Змею в минувшие годы главного своего подвига.

Пока главного.

Но на большее, наверное, можно и не рассчитывать. Могучих богатырей у князя полным-полно, а вот умных таких – на пальцах пересчитать. Оттого и сидит Добрыня при дворе княжеском день-деньской.

Виночерпий...

Как же!

Но, если вспомнить, разве что виночерпием Добрыня с того самого времени и не успел побывать. Зато служил стольником, приворотником, чашником, ключником, подносчиком и вот теперь писарем. Повышение за повышением. Одно плохо – белый свет из огромного и непостижимого сузился до пределов собственной избы, двора и хором княжеских.

Вот и сейчас слез с лавки Добрыня, протёр глаза, потянулся и отправился к глиняному рукомоёйнику.

Сколько ещё лет такой службы? Успели уже новые богатыри появиться и себя проявить: Алёшка вон, молодой и ретивый, сын ростовского попа, спас престол от Тугарина... А Добрыня в это время мёд да квас почётным гостям подносил

или считал, сколько солонины, чечевицы и полбы в амбарах хранится.

Зато писарь!

Впрочем, матушка в родной Рязани такому положению дел была даже рада: сын здоров, жизнью не рискует и навещает её, когда у князя отпрашивается.

Вышел Добрыня из своего сруба во двор, привычно отправился к гриднице. Через главные ворота въезжала гружёная телега. Стало быть, сначала на пересчёт, а потом уж и в терем княжеский.

- Эй, стой-стой. Что везёшь? – окрикнул Добрыня сонного бородача в зипуне, подпоясанном широким кушаком.

- Бруснику, клюкву, морошку, яблоки, - проснулся для ответа крестьянин, подняв голову, потом опустил и будто бы захрапел даже.

- По одной бочке каждой ягоды?

Несмотря на храп, голова поднялась и опустилась.

- Мочёные в меду?

- В солоде, - ответила сквозь сон голова.

- Ладно, разгружай. Вон в тот амбар возле оружейной.

Возница снова кивнул и направил лошадь в нужную сторону. На всякий случай Добрыня взглядом проследил, что он добрался до места, не свалившись по пути. Разных повидал он работничков за время службы...

- Добрыня Никитич, Добрыня Никитич! – прервал наблюдения тревожный голос Якова. Хороший он человек, ответ-

ственный. Его сразу назначают на то место, которое Добрыня освобождает, дальше двигаясь. Вот теперь он подносчик, но по делу так помощник просто.

- Да чего там приключилось, Яков?

- Пропало всё!

- Что?

- Всё!

- И князь?

- Да какой князь?!

- Наш князь.

- Куда ж он пропадёт?

- А всё куда пропало?

- Кабы мне знать...

Добрыня решил часок повременить, чтобы дать остыть Якову. Тот прислонился к недавно крашенной в зелёное оgrade и стал шумно вдыхать смолистый воздух.

- Вино пропало, - выдал он наконец. - Дорогое, с Царьграда. Князь его для пиршеств заказывал. И вот тебе на – нет его! Только вчера стояло в целости. А сегодня нет его!

- Не могли выпить его?

- Нет, вместе с бочками пропало. Кто-то смог вынести... А обвинят кого?

- Меня?

- И тебя. И меня. И ключника – у него же ключи от амбаров. В общем, всем нам влетит...

Не такая уж была и громкая новость – то ли дело, когда

племянницу княжескую Змей унёс. Были ж времена, да...

А тут вино!

Кому в таких количествах в Киеве нужно вино дорогое? Какой-нибудь знатной корчме. Понятно, они от кувшинов уже избавились и в свои бочки его перелили – и следа не найти.

Но вычислить вора можно, просто наблюдая. Эх, как не хватает свободы. А так за пару вечеров он бы вышел на ту корчму, где хорошего вина поприбавилось.

Или попросить князя дать ему личное поручение? Заодно и столицу посмотрит, и от службы отдохнёт.

Оставил Добрыня тревожного Якова у забора и продолжил путь к гриднице.

Успел!

Владимир, сидя возле печи на резном княжеском месте, уже распоряжения давал дружине.

- Алёшка, возьми с собой дюжину и в Подол – урок заберёте. Вы двое с ними поезжайте, но по другому делу: у купчихи Марфы сын пропал, так же как и наш тиун Ерёмка. До меня самого Марфа дошла с жалобой. Разберитесь там, слышите?!

- Княже, колдунья Маринка...

- Маринка, ширинка – да всё равно, - оборвал Владимир дружинника, позволившего себе дерзость перебить князя. – Надо найти пропавших. Если не их, то виновных в пропаже. Найти обязательно. И сегодня! Через три дня прилюдно каз-

ним.

- А ежели не успеем, княже?

- Кто не успеет, того и казним. Марфа хоть от меня отвяжется – главное, что за её сына отмстили. Кому и по заслугам ли – неважно. Ищите виновного. Ищите!

Стали перешёптываться недовольные мужи, но супротив воли княжеской у них не было средства.

- Вот с утра уже принесли мне недобрые вести: у вас из-под носа украли греческое вино! Прямо со двора моего! За недосмотр накажу. Позже. Пока надо отыскать вора. Кто смог такое проверить?

- Княже, - позволил себе вмешаться Добрыня. – Я могу найти виновных, если дадите время по Киеву погулять пару-тройку дней.

- Погулять? – задумался князь, теребя жиденькую бородку. - Никитич, а сколько лет ты у меня под началом служишь?

- Почти девять...

- Ох, и заскучал ты, наверное...

- Не смею жаловаться, - и честно, и по делу ответил Добрыня.

- Заскучал, конечно. Помню румянец рдяной на щеках, когда ты Забаву вернул и Змея побил. А теперь бледный, худой. Ну так возрадуйся: всё, закончилась твоя служба. Освобождаю тебя. Яков стает новым писарем. А ты отдыхай, куда не понадобишься. Но ежели что про вино моё узнаешь,

пока гулять будешь, так ты намеки...

Не сразу Добрыня понял, как с таким счастьем совладать: то ли стоять, то ли падать.

- Благодарствую, княже, за милость.

За сухими словами прятал он буйную радость: всё, не надо больше считать, переписывать, день-деньской в княжеском тереме томиться. Будет с Алёшкой уроки собирать, за порядком в столице следить да послами в чужеземные страны ездить. Вот это жизнь! Матушку почаще навещать можно, да и к Артемию с Забавой в Чернигов бы разок наведаться – былое вспомнить.

Пропадёт, конечно, князь с таким писарем, как Яков... Человек он ответственный, хороший. Приказы хорошо исполняет, когда Добрынина голова думает, что делать и как.

А теперь один пропадёт... Как и вино заморское.

Или как Артемий раньше пропадал – улыбкой снизошло на Добрыню блаженство былых весёлых дней.

***

Сквозь ссохшуюся дверь буйно прорастали, переплетаясь, хмель и выюнок. И это единственный признак весны в унылом обветшалом здании. Добрыня без сожаления смотрел на запустение «Кристалльного дворца» - заведения купца Давыда, где его люди без сожаления обкрадывали наивных горожан нечестными играми. Оно гниёт, как и всё, поражённое неизлечимой болезнью.

Впрочем, именно здесь начались их приключения ка-

ких-то девять лет назад. Помнится, Эмилий вывалился отсюда, распевая строки новой песни про победу над Змеем.

Вдруг прогнившая насквозь дверь с шумом распахнулась и свету божьему явилась заспанная фигура в затасканном бирюзовом колпаке, с гусями под мышкой.

- Эмилий?! – в ужасе отшатнулся от давнего знакомого Добрыня.

- Да, - икнул тот в ответ. – Эмилий Лучезарный собственной персоной. Или уже не такой Лучезарный, как прежде, верно?

Певец попробовал открыть глаза немного шире, и они сами по себе стали больше.

- Добрыня, ты, что ли?! – Вмиг пропала сонливость. Эмилий ринулся к богатырю, дружески обнял его и чуть ли не рыдал у него на груди. – Добрыня-я-я! Где же ты был все эти годы?!

- Служил князю. А ты?

- А я... Я пел. И сочинял. Иногда ел. Иногда пил.

- Судя по твоему виду, больше пил, - неодобрительно осмотрел знатно изменившегося певца: вроде бы такой же тощий, но худоба неестественная, болезненная, а вот лицо опухшее, словно пчёлами покусанное; аккуратные усики пропали в щетине, угрожавшей перерости в неухоженную бороду; светлые растрёпанные волосы вились до плеч.

- Жизнь заставила, Добрынь... - горестно протянул Эмилий, а потом, сверкнув искоркой задорных глаз, добавил: -

Угостишь парой кружек сбитня и сдобным кренделем?

Рассудил богатырь, что всё равно свободен от дел – не грех и со старым другом время провести. Привёл его Эмилий в какую-то грязную корчму, где, по его словам, тот подкармливался подачками.

- Не по нраву я князю нашему Рязанскому стал почему-то: то ли молодость моя отцвела, то ли песни уже не те – перестал привечать да на пиры звать, - жаловался на горькую судьбу певец, шустро прихлёбывая навар из репы и лука, крепко приправленный чесноком. – В Киев подался – здесь всяко не пропадёшь: тут куплетик спел на улице, там на свадьбу позвали...

- Вид-то у тебя ж больно неказистый для праздничного стола, - снова с ноткой презрения отметил Добрыня, пока разбирался в том, что можно съесть из тарелки с костями и требухой, которую хозяин корчмы назвал «печёной рыбой».

- Понимаешь, какая штука замучила... Я с юных лет именова́л себя Эмилием Лучезарным, мечтал о бессмертной славе певца, но жизнь проходит – у меня, однако, ни дома, ни почёта, ни денег. Я там же, где и был десять лет назад. Даже хуже... А вот как хлебну сбитенька или мёда, так и пропадёт тоска...

- Надолго ли?

- Ну хотя бы и ненадолго. Не стать уж мне Бояном, не отстроить хором боярских, не повенчаться с красной девою...

- А это почему?

- Кто же за меня пойдёт, коли ни кола ни двора нет – по столице шарахаюсь, кусок хлеба ищу...

Взгрустнулось Добрыне. Живёшь так сам по себе, погружаешься в дела служебные и думаешь, будто мир вокруг застыл. Думаешь, будто вернёшься однажды – и матушка, как прежде, молода, и друзья так же беспечны. Словно и не расставались вы.

А ведь вон как получается: каждый своей дорогой идёт, иногда к обрыву – хочет остановиться и не падать, но...

- Давай грустить не будем! Мне этого добра и в одиночестве хватает. За встречу, дружище!

Эмилий понял кружку и стукнул её о край Добрыниной.

- Можем и повеселиться. Но, знай, я тебя не брошу больше. Займусь тобой, пока на ноги не подниму. Вот для начала сегодня мы тебе начнём невесту искать.

- Дело хорошее, - крикнул Эмилий, ставя вмиг опустевшую кружку на стол. – Эй, хозяин, ещё налей! Да поживее! Скоро я буду готов петь для всех вас!

Хозяин послушно подлил гостям сбитня, но опущенные уголки губ не свидетельствовали о сладостном предвкушении удовольствия для слуха и души. Да и «для всех вас» звучало слишком громко, когда из публики лишь готовый вот-вот уснуть прямо за столом сын кузнеца.

- Вот. Так-то, - радовался бесплатному угощению Эмилий. – Теперь можно и начать невесту подыскивать. Только где бы...

Пока говорил, оглядывался. Взгляд натолкнулся на полуопущенные веки скучавшего крепкого молодца, который толстыми пальцами прижимал муху к бревну.

- Может, снаружи больше шансов будет? – предложил со смешком Добрыня.

- Нет, я не обижаюсь, я понимаю: Эмилий – смешной человек. Всё, что с ним связано, смешно...

Он и действительно не обижался, а только осушил до дна только-только налитый в кружку сбитень.

- Хозяин, ещё! Я готов петь!

- Нету больше, - грубо ответил тот, протирая столы засаженными портами.

- Ладно, не буду петь. Налей ещё.

- Нету больше.

- А что есть?

- Вино.

- Наливай вина!

- Твоему другу оно по карману? – сощурив правый глаз, старик повернулся на голос и присмотрелся к платившему за угощение певца могучему гостю.

- Добрынь, тебе вино по карману? – из вежливости уточнил Эмилий.

- Дорогое, что ли? – обратился богатырь к самому хозяину корчмы.

- Боярское, считай.

Призадумался Добрыня, вглядываясь в иссохшее лицо

старика, усердно отскрёбывавшего вонючее пятно с отвердевшими частичками пуха и блевотины. Эмилий решил, что его друг задумался о тяжести мошны: хватит ли монет на такое удовольствие. Перевёл взгляд от мухолова к дверному проёму, ведущему в чёрную, как дно бочки, кухню. Вдруг оттуда вышла статная красавица – не скажи, что дочка корчмаря. Каштановая коса толщиной в руку падала на льняную рубаху и сползала до грубого фартука, запачканного сажей.

Она уже несла кувшин, будто отец тайно нажал на хитроумный рычаг, когда услышал, что посетители хотят вина.

- Купишь, Добрынь? – расплываясь в блаженной улыбке, мягко попросил Эмилий. Но глаза богатыря, который тоже увидел девушку, засияли озорством.

- Нет, - отчеканил он твёрдо. – Не по карману мне такое.

- Да что ты! Один кувшинчик всего. Если на то пошло, так я отдам тебе. Потом... Как дела в гору пойдут.

- Нет, сказал же! – вдруг разъярился богатырь, шумно встал, так что стол зашатался, резко схватил Эмилия за грудки и затряс, подняв над полом. – Ополоумел уже от выпивки! Ты совсем себя не помнишь!

- Да ладно. Нет так нет. Отпусти! – разозлился на Добрыню Эмилий. Друг называется! Из-за пары кун убить готов.

И отпустил он его, с силой оттолкнув. Пролетел тот кувырьком по затхлой корчме и врезался в хорошенькую дочь хозяина. Кувшин опрокинулся, разбившись о голову певца. Вино полилось мощным потоком – только рот пошире от-

крывай.

- Заплатишь и за вино, и за кувшин, негодяй! – закричал на Эмилия хозяин, потому что на богатыря голос повысить не осмеливался.

- Пойдём-ка потолкуем в кухоньку и рассчитаемся за убытки, - вышел из-за стола Добрыня, взял под руки старика и поволок в чёрный зев соседней комнаты, где булькал котелок над очагом, виднелась крышка от ледника и под потолком висели сушёные травы, ягоды и грибы. В дальнем тёмном углу стояли друг на друге в два ряда бочки с вином. Добрыня за шкуру схватил хозяина и ткнул носом в одну из них, словно провинившегося кота в лужу мочи. – Откуда это у тебя?! Говори. Быстро!

Не хотелось ему бить корчмаря – больно жалок уж. Но коли по-хорошему не скажет...

Однако всем своим богатырским видом Добрыня старался убедить, что бить будет.

- Купил, - храбро, будто плюнув под ноги гонителю, отвечал старик. – Честная сделка. Дорого купил – дорого и продаю.

- А ты знаешь хотя бы, чьё это вино?

- Моё. Я же купил.

- Ворованное.

- На нём не написано.

- На нём-то нет, конечно, да и верёвки с вислыми печатями вы, конечно, сняли, - загадочно проговаривал витязь,

подбираясь к бочкам. – Но вот на днище стоит только взглянуть... - Добрыня одним махом перевернул одну из них, будто пустой она была. Схватил другой рукой зажжённую лучину и приблизил к днищу. – Видишь, знак князя Владимира выжжен? А?

- Дык... Хорошее, значит, вино, раз сам князь одобрил...

- А это? – не унимался богатырь, указывая на одну из клёпок. – Рядом с отверстием, видишь, маленькое солнце вырезано? Знак княжеского бондаря. Я ж его из тысячи узнаю! Я самолично десять лет товарам учёт веду на княжеском дворе. Только бондарь Ставр Годинович такие знаки оставляет. Показывает, что это бочка князя Владимира. Ты понимаешь, чем это пахнет?

- Вином? – наугад ляпнул корчмарь.

- Виной! Ты попался, ворюга. Знаешь, что князь сделает с тобой за это?

Повисла тяжёлая тишина: сейчас корчмарь или до конца пойдёт упорствовать, или признается. Главное, чтобы близко к бочкам не подходил и не присматривался: конечно, не было там никакого солнца вырезано, и бондаря богатырь выдумал. Нет, Ставр Годинович, конечно, есть. Только он вовсе не бондарь, а молодой дружинник, приятель Добрынин.

- Но я же честно купил... Я же не знал, не видел, - у хозяина заведения зуб на зуб не попадал от осознания неминуемой расправы. Отберут корчму, посадят в яму, дочь пропадёт – по рукам пойдёт...

- Давай так, - сменил угрожающий тон на деловой Добрыня, усаживаясь прямо на бочку. – Я попробую уговорить князя, что ты не виновен и сдуру купил вино у проходимцев, если...

Корчмарь замер – лишь сердце громко выдавало, что он ещё жив.

- Ты сегодня же велишь слугам перевести вино на княжеский дворец...

- Нет у меня никаких слуг – одна дочка помогает... - по-нуру отвечал хозяин, хотя так и так понимал, что с товаром придётся расстаться – ох, на беду посетил его сегодня этот гость. Ох, на беду предложил он вина беспутному гусяру.

- Ладно, отправь гонца хотя бы – сами там разберутся и заберут. А чтобы тебя не наказали, должен назвать мне того, кто продал тебе вино.

Совсем сник корчмарь. И молчал.

- Уж лучше я сам голову сложу, чем имя назову...

Не ожидал такого Добрыня. Слез с бочки и почти шёпотом обратился к собеседнику:

- Отчего ж так? Я лично поймаю его и отправлю под суд.

- Не поймаешь. Не отправишь. А потом нас поминай как звали: ни меня, ни дочь мою не пожалеют.

Потёр подбородок Добрыня: вот это неожиданный ход. Не думал, что связь столь крепка.

- Хорошо. Не говори, коли боишься. Намекни хотя бы на место, где искать молодца. А там я уж разберусь. Не разбе-

русь – так тебя судить будет князь.

- В Подоле ищи... - горько выдохнул корчмарь, утирая пот с переносицы. – А лучше вообще не ищи – потом тебя искать будут. Но не найдут.

В Подоле! Ну конечно! Где же ещё? Сам мог бы догадаться – там нынче и люди пропадают, и воровские шайки гнездятся. Можно было бы и не спрашивать.

Ничего не сказал больше, спокойно вышел, оставив корчмаря в одиночестве додумывать дальнейшую судьбу. Эмилий ждал его всё так же за столиком, скучая без компании и хмельных напитков.

- Ну что? – натужно взбодрившись, с энтузиазмом спросил Добрыня. – Получилось?

- Что получилось? – ершисто отвечал вопросом на вопрос полусонный певец, который за всё это время успел про себя назвать друга дюжиной некрасивых слов.

- Ой, хватит глупого изображать, а! С дочкой корчмаря познакомился?

- Что?!

- Видно сразу: давненько ты со мной в шахматы не играл! Я ж тебя с ней столкнул: не твоя вина, но ты просишь прощения – в её глазах ты благородная жертва. Она тоже жертва: её толкнули, на неё вино пролилось, платье испортилось. Сказал бы пару красивых фраз, как умеешь – и всё. А потом ты б это вот всё унаследовал и жил припеваючи в прямом и переносном смысле: пел бы тут своим посетителям.

- Ему, что ли? – Эмилий намотал на ус учение, но, чтобы не выглядеть обескураженным, указал на сына кузнеца, который уже снял лапти и, от скуки надев их на кисти рук, барабанил по столу, так что миски и кружки подскакивали.

- А хотя бы и ему. Чем не публика? Будет лаптями хлопать от восхищения. А теперь нам с тобой в путь надо собираться. Дело срочное появилось – как раз для твоей новой песни.

- Это я понимаю! С кем теперь боремся? Великаны? Леший?

- Кто-то в Подоле вино княжеское воровал. Нам бы найти гада...

- Ну да... Вещь, конечно, не сильно поэтичная. Но жизненная. Жизненная...

- Вот и сочинишь главную песнь всей жизни, - подбодрил Добрыня напоследок. Не сказать, что Эмилий ему был нужен – даже наоборот: под ногами мешаться станет и внимание привлекать. Но его одного сейчас нельзя оставлять, прямо как ребёночка годовалого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.